

КНИГИ МЭЙ

ТРИЛОГИЯ

«БОГИ В СВЕТЕ НЕОНА»

Руки, полные пепла

Руки, полные бури

Руки, полные дождя

РОМАНЫ-ОДНОТОМНИКИ

#семейные_узы #вуду

#Новый_Орлеан

• Дом пепла

• Мальчик, который ел призраков

#викторианская_эпоха

#друг_который_не_предаст

• Чернила и кровь

• Спи, милый принц

#Гонконг #киберпанк

#обретение_семьи

• Проверка на бессмертие

МАЛЬЧИК,
КОТОРЫЙ ЕЛ
ПРИЗРАКОВ

Мэй

ЧЕРНЫМ
БЕЛО
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М97

Иллюстрации на переплёте и форзаце – *Букворм Арсель*
Иллюстрации во внутреннем оформлении – *Кабачковый жмых*
Дизайн переплёта *Кати Петровой*
Авторская редакция

Мэй.

М97 Мальчик, который ел призраков / Мэй. – Москва : Эксмо, 2026. – 384 с.

ISBN 978-5-04-236103-6

На болотах близ Нового Орлеана пропадают люди, и всё указывает на тёмное колдовство. Чтобы разобраться в этом деле, Изабель и её брату Генри предстоит провести ритуал и отыскать таинственного убийцу. Но Генри слабеет. Он больше не ест призраков, и некто решает воспользоваться ситуацией.

Прошлое открывается с новой стороны, принося за собой проблемы настоящему, и, чтобы спастись от барабанов вуду, героям придётся не только держаться вместе, но и заручиться помощью братьев Эш.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Мэй, текст, 2026

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо»,
2026

ISBN 978-5-04-236103-6

Часть I

**МАЛЬЧИК,
КОТОРЫЙ ЕЛ ПРИЗРАКОВ**

1

Генри Ли знал: съешь проклятие, иначе оно съест тебя.

Генри сидел на веранде, вытянув ноги, и кивал в такт мелодии в наушниках. Он расположился в плетёном кресле, уютный выцветший вид которого резко контрастировал с тёмной одеждой.

Веранду закрывала плотная москитная сетка, необходимая луизианским вечером, когда толпы насекомых так и норовили пробраться к человеческому телу. Генри мысленно показывал им средний палец, слушал музыку и любовался с трудом видимым закатом. Из-за сетки, из-за разросшихся кустов и старых дубов, с которых свисали пряди испанского мха, сейчас окрашенные в красные и оранжевые цвета умирающего солнца.

Генри Ли любил такие моменты.

Дневной зной поутих, но воздух оставался влажным и горячим. Издалека доносился редкий шум проезжающих по дороге машин, но Генри его не

слышал. Как не услышал и сестру. Она раскрыла дверь с сеткой и вышла на веранду.

Соседи считали, Изабель Ли выглядела как вдова, хоть она даже замужем не была, и ей исполнилось всего двадцать пять. В чёрном платье со старинной викторианской брошью у горла — из её собственной лавки, доставшейся от отца. Изабель остановилась позади брата и зарылась пальцами в его короткие, но густые волосы, легонько массируя.

Генри вздрогнул от неожиданности, а потом зажмурился. Ему нравилось, когда старшая сестра так делала, перебирая его тёмные, как у неё, пряди. Они вообще походили друг на друга: стройные, с чёрными внимательными глазами и бледной кожей, доставшейся от матери, французской креолки. Тонкие носы и губы, острые черты лица. Даже волосы одинаково густые, только у Изабель они волнами рассыпались по спине.

Можно было решить, что они двойняшки, так и не скажешь, что между ними три года разницы.

Изабель положила руку на плечо брата, другой вытащила наушник из его уха, задев серьгу в виде креста. Генри сам вытащил второй, к шуму moskitov прибавилось шипение музыки.

— Что делаешь? — спросила Изабель.

— Прислушиваюсь к ощущениям. Немного выматывает.

— Что? Так ты ещё не занялся делом?

— Да ладно, на меня ни разу не накладывали проклятие! Это почти интересно.

— Поглоти его.

Генри вздохнул:

— Ладно. Это сложнее, чем съесть обычного призрака.

Изабель слишком хорошо знала брата, поэтому уловила в его голосе тревогу. Наверняка хотел, чтобы сестра присмотрела за ритуалом, но было неловко просить.

— Не тяни. Идём, я помогу.

Генри резво поднялся из скрипнувшего плетёного кресла, потянувшись по-кошачьи лениво. Изабель сказала:

— Мама звонила. Как раз шла тебе сказать.

— Что-то случилось?

— Нет, она в очередной раз решила, что мы здесь наверняка голодаем. Напомнила, что дом слишком далеко от города...

— Всего полчаса!

— ...и он был старым ещё при бабушке. А теперь наверняка разваливается. И не лучше ли нам переехать ну хотя бы к ней.

Генри фыркнул, придержавая дверь и пропуская сестру внутрь:

— Её дом, конечно, почти в центре Нового Орлеана, но в нём нет души. Это не наше место. И знала бы она, чем мы тут занимаемся!

Предки Изабель и Генри восходили к европейским переселенцам, приехавшим в этот душный край сажать хлопок, и впитали все суеверия чернокожих рабов. Может, у них была своя магия. А может, они нашли её в этом краю москитов и аллигаторов.

Бабушка Агата жила в доме всю жизнь, как и её дочь, вышедшая замуж за Роберта Ли. Их дети родились и выросли здесь, пока Роберт не заработал доста-

точно на антикварной лавке, чтобы переехать в город. Но после смерти бабушки внуки вернулись в дом.

Соседи любили сплетничать, что Агата была мамбо, колдуньей вуду. К ней шли, чтобы она попросила у духов лоя защиты и благословения. К ней шли, чтобы она связалась с мёртвыми и открыла перекрёстки в самые тёмные беззвёздные ночи.

Её дочь не понимала этого и стала обычной городской жительницей. Но во внуках разыгралась древняя кровь.

В доме всё осталось таким, каким было при бабушке. Старые часы громко тикали, но отставали ровно на пять минут, никак иначе. Вязаные покрывала, потёртые, с торчащими кое-где нитками. Подвешенные к иконам пёрышки. Цветные бусы Марди Гра, уложенные вокруг алтаря.

Дом обожала Изабель. Старые доски дышали прошлым, как и антикварная лавка, но здесь это прошлое было живым, пульсирующим, и эта жизнь отзывалась в костях Изабель.

Генри же не интересовало, какая вазочка стоит на столе, или как отклеивается кусок обоев над крестами. Он изучал книги и записи Агаты, жёг перья и проливал куриную кровь на заднем дворе, откуда открывался вид на болота.

Генри уселся в гостиной, скрестив ноги, по худощавому телу заскользили отблески зажжённых свечей.

В небольшой котелок, ещё бабушкин, Генри кинул несколько свечей, чтобы они расплавились. Изабель уселась напротив брата, ощущая его энергию, трепещущую, как попавшая в силос птица. Генри прошептал несколько слов и подхватил подготовленные

петушиные лапки. Неуверенно глянул на Изабель, и она кивнула. Генри отправил лапки в котёл.

Эти обряды не шли Генри, будто чужая кожа, в которую он пытался влезть. Он привык к другим, к призракам и к их снам.

Когда Генри было года четыре, он сильно заболел. Изабель хорошо помнила, они тогда жили в этом доме, и активный Генри совсем сник. Он лежал, закутанный в одеяло, и доктор разводил руками, не понимал, что с мальчиком. Изабель подслушала ночью, как плакала мама, а отец её успокаивал. Генри угасал.

Они долго не позволяли Агате «её методы», считая их диким нецивилизованным пережитком. Пока бабушка не перестала спрашивать. Она позвала Изабель и сказала смотреть. Положила на постель Генри птичьи косточки, кажется, куриные. Тогда у бабушки ещё хватало сил держать собственных куриц.

— Съешь их.

Генри посмотрел удивлённо. Изабель хорошо запомнила его бледное заострённое личико и огромные тёмные глаза. Он нахмурился:

— Они твёрдые.

— Не так. Съешь следы жизни.

Будь Изабель старше, она могла бы решить, что бабушка сошла с ума. Но тогда всё воспринималось как само собой разумеющееся. Генри протянул руку и положил маленькую ладошку на косточки. В комнате похолодало, останки не изменились, а вот щёки Генри зарумянились.

Бабушка приносила косточки и черепа разных животных ещё семь дней. На восьмой Генри окончательно выздоровел.

Теперь он наблюдал за варевом в котелке, ожидая, когда можно будет добавить свиные перья.

— Это не моя магия, — глухо сказал он. — Мне такое не близко.

— Надеюсь, больше не будет проклятий.

— Кто же думал! Я думал, она милая девушка. А она прокляла. — Генри глянул почти озорно. — Приревновала!

— Как хорошо, что твои предыдущие пассии не знали вуду и не умели проклинать.

Генри вздохнул, то ли с сожалением, что так вышло, то ли виновато.

— Ты не говорил ей, что тебе для жизни нужны призраки?

— Это не то, о чём рассказывают на первом свидании.

— Вы встречались полгода. Для тебя это много.

Генри фыркнул и подхватил свиные перья. Он точно никому не говорил. Поэтому они жили здесь вдвоём, разделяя древнюю кровь, вызывавшую к ритуалам, и тайны о том, что каждый из них делает за закрытыми дверями.

Перья полетели в котёл, Генри кинул туда же лоскуток чёрной ткани и ещё свечу. Нахмурился, ожидая, работает ритуал или нет.

В детстве, после того как он проглотил ту курицу, Изабель подошла к косточкам и сама их коснулась. Она хотела что-то сделать... и косточки сложились воедино, задвигались, желая встать на некрепкие ножки.

— Твой брат умеет поглощать остатки жизни, — улыбнулась бабушка. — Тогда к пустоте можно привязать новую душу. Ты же умеешь создавать. Здесь,

правда, не душа, а забредший слабый лoa. Генри, ты сможешь его съесть?

Он смог.

А сейчас снова неуверенно глянул на Изабель, только она ощущала токи энергии. Сестра кивнула. Генри расслабился и выпрямился. Положил руки на колени, закрыл глаза, и внутри него заиграла собственная музыка. Он слегка покачивался в её ритме и вдыхал дым, шедший из котла.

Он считал, что сможет съесть и проклятие. Ведь его наложили через мелкого лoa, совсем лёгкое, это не сложная вуду-магия. Да и с лoa хотя бы чуть сильнее Генри уже не справился бы, но такого поглотит без проблем.

Генри погрузился во что-то похожее на транс, он не открывал глаз, даже когда дым иссяк, а оставшиеся свечи оплыли. Изабель тихонько позвала:

– Какой к тебе пришла история?

Он распахнул глаза, дикий, напитанный проклятием.

– Жестокой! – выдохнул Генри. – Она о мести и смерти. О ревности. И о любви, конечно.

Он вскочил и начал суетливо собираться. Пространство вокруг него почти искрило, разбухшее от энергии. Изабель спокойно занялась свечами и котлом. Уже в дверях, Генри остановился, нервно переминаясь с ноги на ногу, как конь, жаждущий пуститься в галоп:

– Мне остаться?..

Если бы Изабель попросила, он бы так и сделал. Она покачала головой:

– Я сама приберу.

Она слышала, как взревел мотор пикапа, включила свет и отнесла котёл в мойку. Надо заняться им, пока оставшийся воск не застыл. Никакой магии, обычное средство для мытья посуды и тусклый свет. Пора оплатить счета.

Сила Изабель создавала и была спокойной, как вода в озере. Но у младшего брата чередовались приливы и отливы, а когда он поглощал слишком сильного призрака или лоя, энергии становилось так много, что её излишек требовалось сбросить. Изабель предпочитала не знать, в каких новоорлеанских барах или клубах сегодня окажется брат, с кем он будет распевать песни, или какая девчонка будет под ним стонать. Лишь бы проклятий не навешивала.

Изабель почитала книгу, посмотрела в интернете несколько предложений для магазина, ведь после смерти отца несколько лет назад она подхватила семейное дело. Генри предпочитал писать. Призраки, которых он поглощал, оставались внутри него обрывками историй. Они отдавали свои сны и приходили в рассказах, которые он записывал.

Сегодня ему надо кутить, чтобы сбросить лишнюю энергию. Завтра он будет писать.

Генри вернулся глубокой ночью. Скинул обувь и прошёл в комнату, но не свою, а сестры. Кровать у неё была большой, двуспальной. Не раздеваясь, он плюхнулся на одеяло, свернулся клубочком, уткнувшись в плечо.

Изабель проснулась, но не удивилась. От Генри пахло алкоголем, но больше — густым бальзамическим запахом ладана, призраков и тлена.

2

Изабель предпочитала придерживаться распорядка. И пусть антикварная лавка позволяла любой рабочий график, Изабель оставляла выходные выходными, а работу на будни. Встреча со старыми подругами выпала на вечер воскресенья, и это оказалось удобно.

С утра за окном висело марево луизианской духоты и стрёкот насекомых, от которых защищают москитные сетки. Лениво развалившись на кровати, Изабель читала. Комната Генри оставалась закрытой, из-за двери слышались приглушённые звуки музыки. Наверняка он писал.

Его рассказы печатали журналы, одну книгу издали, над второй он работал сейчас. Изабель читала их первой: мглистые вязкие истории, наполненные призраками — и воспоминаниями реальных духов, но об этом никому знать не стоит.

Мать регулярно сокрушалась, что сын никак не найдёт настоящую работу. Генри раздражался, Иза-